Добрые сутки или Вера для атеиста

Игорь Николаевич Судак

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В засекреченной научной лаборатории произошёл несчастный случай - разбилась пробирка с необычайно опасными микроорганизмами. Единственный оставшийся в живых учёный угрожает полным уничтожением планеты. Последний шанс на спасение - с ним позволено поговорить шести различным людям. Пятеро были выбраны земным правительством, а последнего он выбрал сам случайно. И представьте, что роль парламентёра выпала вам...

- 1. Новая сказка
- 2.Планета-заложница
- 3.Приговор человечеству
- 4.Последнее желание
- 5.Первые переговорщики
- 6.Крах переговоров
- 7. Прощальная лотерея
- 8. Добрые сутки!
- 9.Живая вода
- 10.После смерти мы окажемся в будущем
- 11. Чело и вече
- 12. …

1. Новая сказка

Тонкая полоска света резко, словно лазерным лучом, рассекла темную спальню. Алеша, щурясь, поднял голову — в дверном проеме стояла дочь.

— Папа, я не могу уснуть, почитай мне сказку.

— Хорошо, Катюша, возвращайся в кроватку — я сейчас приду.

Полоска исчезла. Алеша прижал свои губы к губам Алены — уже не страстно, а по-домашнему — и почувствовал, что они улыбаются. Ему тоже стало очень смешно. Еще бы! До манящей вершины, к которой они только что стремительно восходили, им оставалось всего несколько секунд. И тут — команда возвращаться на базу. И, главное, от кого. От любимой дочери, которая каждый день спрашивает, когда же у нее, наконец, будет братик. Помощница!

— Прочитай ей про Кощея Бессмертного с иголкой в яйце, — посоветовала добрая Алена, — чтобы накрылась одеялом с головой и нос высунуть боялась!

— Ну да, — выразил сомнение Алеша, — она просто сделает марш-бросок в нашу спальню и будет с неделю тут от него прятаться. А днем – в омлете булавки искать. Сказки надо на ночь читать такие, чтобы в них были только симпатичные герои. Жаль, правда, что таких сказок мало.

— Ну, все, как в жизни.

Алеша накинул халат и, надев тапки, пошлепал в комнату за книжкой. И тем не менее, подумал он, какое же это все-таки счастье — когда ты без малейшего раздражения отрываешься от любимой женщины и идешь к любимой дочери, читать ей сказку, наперед зная, что когда вернешься, ты только обнимешь спящую супругу и заснешь с убаюкивающей мыслью продолжить восхождение утром.

Свет включать не пришлось — за окном белым фонарем висела круглая луна. Взяв со стола «Сказки народов Земли», Алеша бросил взгляд на большие электронные часы, сделанные под старину, с маятником и с кукушкой, и удивился — они стояли. Причем, видимо, еще с вечера. «20:28». Так странно, подумал он, они застыли тогда, когда время и год совпали. Сейчас 2028-й. Да и вообще, как могли застыть электронные часы? Алексей подошел к ним и постучал пальцем по стеклу — секундные цифры внизу, замершие на двух нулях, так и остались неподвижны. Ладно, утром разберемся. Алеша не верил в мистику и приметы — и бездыханные часы в полнолуние не затронули в

его душе ни единой тревожной струнки. А вот Аленушка, та бы точно до утра уже не уснула, усмехнулся про себя Алеша.

— Папа, а что ты мне сегодня прочитаешь? Опять про ковер-самолет? – спросила Катюша, лежа в кровати. Она была в предвкушении чего-то интересного.

— Не знаю еще. А что, не хочешь про ковер?

— Нет, на ковре-самолете летать неудобно. Лучше уж просто на самолете. А то у нас в детском садике одна девочка каталась во время прогулки на ковре-самолете на воздушной подушке, не удержалась на повороте, упала с него и сломала руку. А мне, папа, больше нравятся сапоги-скороходы. В них так здорово прыгать через деревья.

— А вам разрешают так высоко прыгать?

— Нет, это только когда воспитательница не видит. Она не знает, что мы умеем переключать режим прыгучести. При ней мы только через кусты перескакиваем.

Алеша улыбнулся. Его дочка ходит в тот же садик, в который ходили и они с Аленой. Он тогда тоже назывался «Сказка», только еще не было таких сказочных игрушек в нем. Правда, нет, яблочко-на-тарелочке уже было — детский телевизор, сделанный под волшебную вещицу. Надо ж — как сказки посбывались все!

— Ты мне про шапку-невидимку лучше почитай. Нам их не разрешают. У нас недавно один мальчик не послушался и принес папин шлем-комбинезон, и когда мы в прятки играли, он надел его и стал невидимым. И никто его потом найти не мог. Все потом искали: и воспитательница, и нянечки, и охранники. Все так перепугались. А потом вечером пришел его папа-военный, надел специальные очки и нашел его. Он его так ругал!

— А где же был этот мальчик?

— А он, папочка, сначала сидел тихонько в уголке и смотрел, как все его ищут. А потом незаметно там и уснул.

— Да, смешной мальчик!

— Папа, а нам воспитательница говорила, что всё, о чем люди в сказках раньше мечтали, в наше время сбылось.

— Да, сказки рано или поздно становятся явью. Но пока еще сбылось далеко не все, к сожалению. Мы, например, не умеем еще по мановению волшебной палочки перемещаться мгновенно туда, куда пожелаем. Хотя уже ясно, что, принципиально, такое чудо тоже возможно.

— Я знаю, это — телепортация называется.

— Да. Какая ты всезнайка! А я в твоем возрасте таких слов даже не слышал. Потом, мы еще не победили злых персонажей: всяческих Змеев Горыничей и Соловьев-разбойников.

— Это — террористов? Я угадала?

— Ну, с тобой просто разговаривать неинтересно — все знаешь и все понимаешь. А чего еще нет? А ну давай вместе подумаем.

— Я придумала! Еще нет живой и мертвой воды!

— Живой и мертвой воды? Да, точно нет. Любопытно, неужели и это тоже когда-нибудь станет явью, и люди научатся оживлять давно умерших?

— Все сказки, папа, обязательно станут когда-нибудь явью! Ты же сам говорил!

— Конечно, станут. Только вот насчет живой и мертвой воды я как-то никогда всерьез не задумывался… Ты вообще-то спать собираешься? Давай быстренько выберем сказку — мне ведь завтра с утра на работу.

— Работа, папа, не Серый Волк! — Катя обожала коверкать поговорки.

— Логично.

— А выходной — не Красная Шапочка!

— Еще логичнее. А пирожки тогда — не зарплата?

— Папа, а что будет, когда все-все сказки сбудутся?

— Люди к тому времени новые придумают.

— А когда и те сбудутся?

— Опять придумают.

— Папа, а придумай мне новую сказку!

— Катюша, я не умею, я ведь простой учитель истории. Историкам нельзя сказки сочинять.

— А если я очень-очень попрошу?

— Если очень-очень, то я тогда, конечно, попробую, но это не значит, что у меня получится.

— Почему?

— Видишь ли, это сейчас очень непросто. Раньше легче было. Раньше было так: сказку придумать легко, а сделать ее былью было трудно. А скоро будет: все, что ни придумаешь, сделать можно, но вот придумать что-то абсолютно новое станет главной сложностью.

— Папа, а давай мы сегодня не будем сказку читать, а завтра ты мне придумаешь новую. Только не страшную!

— Что с тобой поделаешь — договорились! С меня сказка. А с тебя — спокойной ночи.

— Спокойной ночи!

Алеша поцеловал дочку и вернулся в спальню. Тихо, чтобы не разбудить Алену, лег и сразу заснул. Спокойно и безмятежно. Не ведая, что сама жизнь в это время уже стала перелистывать свою сказку, причем такую, по сравнению с которой все прежние, даже самые страшные сказки начнут казаться добрыми и

беззаботными…

2.Планета-заложница

— Лешик, просыпайся! Происходит что-то ужасное!

Алеша открыл глаза — было уже совсем светло. Над ним склонилась встревоженная жена.

— Что случилось?

— Террорист… — выдохнула Алена. — Я на кухне завтрак готовила. В восемь включился телик, а там — кошмар! Представляешь, мы еще спали, когда всё началось.

— Что началось?

— Захват заложников… Какой кошмар!

— Аленушка, милая, успокойся, ты чего так? Каждый день кого-нибудь захватывают. Пора привыкнуть.

— Алеша ты не понял — НАС взяли в заложники.

— Как?

— Ну не только нас — всю планету взяли в заложники.

— Как это всю планету? — поразился Алеша и, сев в кровати, произнес: — Тэ вэ первая!

Через секунду на большом, почти на всю стену, экране появился незнакомый мужчина, сидящий на стуле. Он ничего не говорил — просто насмешливо смотрел в камеру и иногда поглядывал на часы. За спиной у него виднелся стол с различными колбами, пробирками, микроскопом и еще какими-то малопонятными приборами. Белки глаз мужчины отсвечивали необычной синевой, а от левой руки тянулись какие-то проводки.

— Это — он! — произнесла Алена. — Переключи на третий — там комментарии в секторах.

Алеша переключил. И там — тот же мужчина. Но еще внизу, в правом углу, в секторе, где обычно сидит только сурдопереводчица, теперь рядом с ней находились и ведущий программы мировых новостей, и руководитель пресс-службы Президента Планеты. Он как раз рассказывал о том, как все произошло. Алеша с Аленой слушали, затаив дыхание и едва удерживая ощущение реальности.

— …На данный момент нам известно следующее, - сказал руководитель пресс-службы. Он подбирал слова напряженно, постоянно перекладывая листы бумаги и отвлекаясь. - В водах Тихого океана на плавучей экспериментальной лаборатории работала группа ученых, работала над синтезом искусственного биовещества. Это происходило в рамках всемирной программы решения энергетической проблемы. Но вчера случился какой-то сбой… или авария, в результате чего последовала неконтролируемая реакция, и спонтанно созданный неизвестный

смертоносный вирус вырвался из пробирки внутрь помещения. Из двенадцати человек, научных работников и команды обеспечения, одиннадцать погибли в течение короткого времени. Они практически исчезли, распавшись на молекулы и атомы. С таким разрушительным воздействием микроорганизмов наука никогда не сталкивалась … Оставшийся пока еще в живых двенадцатый человек, ученый-нанобиоэнергетик, во время катастрофы спал в отдельном отсеке и заразился на восемь часов позднее. Он видел, как все умирали… Он пережил сильнейший стресс, впал в агрессию и потребовал установления прямого эфира по всем каналам и синхронного перевода на все языки. Он выразил желание выступить перед всем человечеством и, видимо, выдвинуть свои требования. Какие — еще неизвестно, он пока не говорил… Он только объявил, что в его руках находится смертоносное средство, способное, если оно будет выпущено наружу, уничтожить жизнь на Земле. Тот факт, что этот ученый, превратившийся в террориста, не блефует, уже подтвердили и коллеги, знавшие его по работе раньше, и эксперты, и спецслужбы, и даже терропсихологи… Ученые моделировали ситуацию с этим вирусом, и по их подсчетам, по самым оптимистическим подсчетам, — вся биосфера на планете, включая человечество, исчезнет за сутки, в том числе и те, кто укроется во всевозможных бункерах. Необходимого уровня изоляции, такого, как в этой лаборатории, ни одно сооружение не имеет - настолько новый вирус всепроникающий… Сама лаборатория сейчас герметично закрыта, и открыть ее можно только изнутри. Мы с горечью и сожалением вынуждены признать, что жизнь на планете, действительно, находится в руках этого обезумевшего человека…

— Бред какой-то!! — с недоумением воскликнул Алеша. Алена молчала.

— Что известно о нем, — продолжал руководитель пресс-службы, роясь в своих листках. — Зовут ученого Эдисон Десницкий, родился он в 1995-м. Со школьных лет проявлял выдающиеся способности. До пятнадцати лет проживал в России, затем переехал с родителями в Северную Америку. Блестяще закончил университет и успешно занялся наукой. Был женат. Но год назад пережил трагедию — его родители и жена, ожидавшая ребенка, погибли во время ядерного теракта в Бостоне. Потеряв всех близких, он, спасаясь от депрессии, полностью ушел в научную работу. И теперь эта авария… Психологическое состояние его сейчас оценивается специалистами, как стабильно-возбужденное. Человек уже смирился с неминуемой гибелью, ему даже вернулось чувство юмора, преимущественно черного. Он

адекватно воспринимает то, что ему говорят. Но болезненная маниакальная идея говорить с человечеством с позиции силы овладела им полностью. Первые попытки его переубедить ничем не завершились. Пришлось, несмотря на действующий запрет предоставления эфира террористам, в виде исключения выполнить это его требование. И, пожалуй, мы выполним практически все, что он потребует дальше…

Алеша посмотрел на Алену.

— Бред какой-то, — повторил он, теперь уже не так уверенно. — Разве такое возможно? — И сам же, пожав плечами, ответил на свой вопрос: — Хотя в наше время, видимо, уже возможно все.

— Послушай, а вдруг это всё Голливуд затеял, — высказала вдруг догадку Алена, — а что, если это они так свой очередной боевик презентуют? Или, может, просто какая-то корпорация запустила не очень умную рекламу какой-нибудь ерунды? На всю планету?

Алеша стал поочередно переключать все каналы, но везде было то же самое. Блеснувшая было надежда быстро поблекла.

— Да нет, похоже на правду… Этот человек, кажется, действительно террорист.

— Лешик, мне страшно…

В то, что происходило, просто не верилось. Но, увы. Судя по разным включениям и оценкам, весь мир — страна за страной, человек за человеком — с ужасом убеждались, что все серьезно. Произошло то, о чем давно предупреждали фантасты, и о чем все чаще стали поговаривать в прессе. Да, сомнений не оставалось: этот человек – террорист. И в заложниках у него все человечество. Банальнейший, пресный, избитый и сотни раз пережеванный в фильмах и книгах сюжет вдруг влез в реальную жизнь. Алеша с Аленой, как и многие в это время, ловили себя на мысли выключить телевизор и включить снова, чтобы исчезло это наваждение. А уж если и смотреть нечто, щекочущее нервы, то что-нибудь более свеженькое и более талантливо срежиссированное. Но перезагрузить реальность никто пока не умел и не ведал, возможно ли это. От экрана шла невыносимая тревога. Еще никогда столько людей так пристально не вглядывалось в одного из своих современников. Высокий, даже чрезмерно высокий лоб, большие глаза с синеватыми белками, три родинки на щеке, тонкая нижняя губа — все это стало символом кошмара и страха. Люди видели лицо смерти. Как могли допустить? Алеша не раз слышал, как на самом высоком уровне утверждалось, что все опасные научные исследования находятся под жестким контролем Лиги Государств, глобальная система защиты надежна и десятки раз продублирована. И все

наивно соглашались с этим бредом. Или делали вид, что соглашались, и просто не хотели забивать себе голову. Так вот теперь оказалось — эту голову можно вообще потерять. Вся Земля стала одной большой головой на плахе, а топор — в руках мизантропа.

И оказалось, что никакой реальной защиты не было и быть не могло, что все предусмотреть нельзя. И что даже справившись с идеологией террористов-смертников, все равно останется неучтенным несметное количество всяких неуравновешенных людей, разных там отчаявшихся, сошедших с ума на ровном месте, перегревшихся на солнце, перепивших и прочих, которым в мозги не заглянешь. Хотя именно мозги, возможно, и следовало было контролировать, как предлагали дальновидные люди, и разработать и установить тотальный контроль, но кто их слушал, это, мол, нарушение частной жизни.

И вот получили! Все стали заложниками, а террорист-ученый — хладнокровно и насмешливо дожидается, пока все поймут, во что вляпались. Он даже никуда не спешит. Он только объявил сразу (и эта его короткая речь постоянно прокручивалась в верхнем секторе), что в его руках находится смертоносное средство, способное за сутки уничтожить жизнь на Земле. И через три часа, когда все удостоверятся в серьезности этого средства, а также убедятся в серьезности его намерений и соберутся возле экранов, он скажет, чего он хочет. Он ждал, пока осознает возможную гибель все человечество. И оно уже, кажется, осознало. И эти три часа уже истекали. Внизу, на фоне террориста то и дело появлялись растерянные физиономии высокопоставленных чиновников, оправдывающихся и разводивших руками, а так же политологов, разных специалистов и просто известных людей. Но под ним они все выглядели ничтожными пигмеями, которым достаточно дать щелчка, чтобы разлетелись и умолкли. Общая картина, составленная из выводов аналитиков, вырисовывалась просто удручающая…

— Да какое он имеет право?! Алеша, что же это происходит? Надо что-то делать! — Алена спрашивала мужа, словно забывая, что он так же бессилен перед этим террористом, как и она. Как и все другие.

— Если б от нас что-либо зависело… — вздохнул Алеша.

— Мама-папа, мы что, сегодня умрем???

На пороге стояла Катюша — она тоже, оказывается, смотрела и слушала.

— Нет, девочка моя, что ты, всё будет хорошо…

Алена прижала к себе дочку, продолжая вглядываться в экран.

— Папа, почему все так испуганы? Этот дядя нас хочет убить?

— Я не знаю пока, доченька, но, уверен, не все так плохо. — Алеша при появлении дочери стал говорить спокойно и рассудительно. — Похоже, что этот дядя просто немного заболел и рассердился на всех. Сейчас, уже через несколько минут он скажет, что он хочет, ему это дадут, помогут — и все станет опять прекрасно. Ты же знаешь, как все сказки заканчиваются. Ты мне веришь?

— Да, папочка. Но сказка всё равно какая-то очень страшная… хоть он и не похож на Кощея.

Алена переживала не меньше Катюши — она вообще была подавлена и потрясена. И чтоб ее состояние не передавалось ребенку, Алеша шепотом попросил ее не волноваться, взять себя в руки. И она старалась не волноваться. Выходила на кухню, пила валидол, но — помогало мало. И Алена, и Алеша видели, что все слишком серьезно. Симтомы проявлялись во многом. Спору нет, такого не было никогда, чтобы во всем мире отменили все программы и показывали только этого ухмыляющегося ужасного террориста. Значит, это — его требование. А раз его выполнили — то сила на его стороне. Пугала и страшная тишина за окном, и это в понедельник, почти в девять утра — когда все должны спешить на работу. Большой город выглядел мертвым. Только иногда какая-нибудь машина на большой скорости проносилась за окном. И это на одной из главных улиц Калуги! Редкий прохожий иногда пробегал мимо, спеша к своим самым близким людям. И снова тишина. Какая бывает только на берегу перед приближающимся цунами. Случалось, город затихал, конечно, и раньше, когда народ в связи с какой-нибудь передачей дружно сидел по домам. Но не настолько же. Даже во время самого рейтингового сериала «Похождения яйцеклетки» улицы так не пустели. Даже знаменитое скандальное розыгрыш-шоу «Похороните спящего!» не притягивало к экранам столько внимания.

Алеша заметил, как мелко дрожат тонкие пальцы стоявшей у окна Алены. Сердце защемило от собственной беспомощности. Кто он? Малюсенький человечек на огромной планете. Которая сама вдруг стала маленькой и беззащитной, а он на ней и вовсе почти несуществующим. И все, что он может сейчас сделать, это взять эти дрожащие пальчики и прижать их к своим губам. Скорей бы уж этот молчун выдвигал свои требования — неопределенность изматывала…

Не съеденный завтрак — омлет с помидорами — остывший стоял на столе.

3.Приговор человечеству

На экране вдруг произошли изменения. Сбоку от террориста открылась небольшая вставка с Президентом Планеты. Президент был избран два года назад всемирным голосованием в интернете. В меру седой, по-осеннему красивый, безупречно мужественный, надежный, похожий одновременно на нескольких очень положительных киногероев, он был, как всегда, подтянут и заразительно спокоен. Но сейчас это его знаменитое магнетическое спокойствие впервые не слишком успокаивало, потому что говорил он всего за пять минут до ожидаемого обращения террориста. Он, по сути, только предварял главную речь.

— Дорогие жители Земли, дорогое человечество, дорогие братья и сестры! Наша цивилизация не один раз в истории оказывалась на грани исчезновения. Люди даже не всегда об этом догадывались. И опасность каждый раз грозила нам извне, из еще непокоренного и враждебного космоса. Губительные астероиды, коварные кометы, крупные метеориты по счастливой случайности до сих пор пролетали мимо, и есть надежда, что и в будущем подобной катастрофы не случится. Во всяком случае, мы к этому готовимся заранее. И самый опасный астероид, который в следующем году должен пройти в угрожающей близости от Земли, находится под контролем — его патрулируют три беспилотных корабля. Мы всё делали, делаем и будем делать для сохранения нашей планеты — нашего дома, без которого мы пока еще не можем обойтись. Но произошло страшное кощунство — мы получили удар в спину. Впервые в истории опасность всеобщего уничтожения пришла к нам от нас самих, причем от одного единственного человека. Мы, безусловно, давно осознавали возможность подобного развития событий, да, видимо, недооценили, не почувствовали, что все уже рядом. Но, не смотря ни на что, мы верим в успешный исход этого чудовищного по масштабам захвата и убеждены, что все заложники будут скоро освобождены. У нас есть опытнейшие переговорщики. Мы просим только всех остальных сохранять выдержку и спокойствие духа — давайте выслушаем требования человека, решившегося противопоставить себя всему миру.

Картинка с Президентом Планеты уменьшилась и юркнула в правый нижний угол, и террорист снова теперь занял весь экран. Как будто на планете поменялась власть. На планете, действительно, поменялась власть…

— Папа, я поняла… Это не сказка…

Папа обнял дочку, сильнее прижал к себе встревоженную жену. В их маленький мир, в их квартиру пришла беда. Это было уже настолько очевидно, что даже не хотелось обсуждать. Все привычные дела, все планы, все радости тихой уютной жизни учителя истории и его небольшой семьи улетучились, как что-то эфемерное и малозначительное, уступив место тревоге за судьбу всей цивилизации, от которой, оказывается, они полностью зависят. Все, чем они жили, сразу сделалось мелким и ненужным. Одна общая беда накрыла всех. Алеша вдруг почувствовал человечество. Именно почувствовал, как можно почувствовать печень или сердце, когда они впервые начинают болеть. Человечество, и в самом деле, словно превратилось в какое-то одно существо, беспомощное и маленькое и люди неожиданно ощутили друг друга как часть самих себя. Миллиарды глаз, как будто связанные одним зрительным нервом, одновременно смотрели на экраны и ждали, что скажет этот человек, сделавший всех заложниками, и что он потребует. И миллиарды людей осознавали, что какими бы невыполнимыми, какими бы бесчеловечными эти требования не были — их придется выполнять.

Террорист посмотрел на часы и театрально поднял руку:

— Приветствую вас, всех, кто меня видит и слышит, — я знаю, что таких подавляющее большинство. Спасибо, что мое скромное выступление, проанонсированное уважаемым Президентом Планеты, любезно исполняющим теперь роль конферансье, вызвало такой живой интерес у всего мирового сообщества. Я, надеюсь, что оно не будет прерываться рекламой прокладок и подгузников, — они больше, я думаю, никому не понадобятся! — и даже не будет сопровождаться бегущей рекламной строкой — поверьте, бежать ей уже некуда. От меня не убежит никто. Договорились? А теперь я вам хочу кое-что рассказать и показать. Вот это все, что вы видите за моей спиной, — наша лаборатория. Мы здесь с коллегами работали. Тихо себе, увлеченно работали на благо человечества, на наше с вами благо. Мы хотели создать дешевую энергию, но вместо этого получили искусственный вирус. Ну, так бывает — и в науке, и в жизни: делаешь одно, а получается совсем другое. К сожалению, это «другое» выскочило наружу. Знаете, как хозяйка на кухне может что-нибудь уронить, или разлить чего-нибудь, или рассыпать, - так и один наш товарищ маленькую-маленькую колбу уронил. Он уже умер. И все другие уже умерли. А знаете, как все они умерли? Вам уже рассказал конферансье? Это очень любопытно! Они распались на атомы. Их разобрали эти самые наноскопические вирусы на строительный материал для себе

подобных. Я доходчиво объясняю? Мне хочется, чтобы все поняли…

Я один остался, и я тоже скоро умру, я уже заражен — у меня белки синие. Я сразу, как положено по инструкции, сообщил о катастрофе своему руководству. Те — своему. В итоге мне сказали, чтобы я оставался на месте и не позволил вирусу выйти наружу, ведь я все равно обречен. Мне пообещали ходатайствовать о награждении меня посмертно. Я потребовал экстренной связи напрямую с высшим руководством планеты. Президент Планеты со мной говорить не стал, но через своего помощника он мне гарантировал памятник на родине и увековечение имени золотыми буквами на «Стелле пострадавших ради науки». По статусу это, конечно, на ступень выше, чем имеют собаки доктора Павлова, лабораторные мыши и мушки-дрозофилы. И я, безусловно, был очень польщен перспективой вечной памяти и очень всем благодарен. Только в отличие от мух и крыс я еще могу за себя постоять! И нанести удар возмездия. Вы спросите – зачем? Я скажу. Вы знаете, здесь, в мертвой лаборатории, очень хорошо думается. Отсюда вообще всё выглядит просто и ясно. Я вдруг понял о нашей цивилизации всё, я понял, что никогда ничего путного не получится там, где счастье одних всегда произрастает на несчастии других. Вспомните историю – войны, страсти, кровь, гниение и грязь. И больше всего вознесены и удостоены поклонению те, кто больше всех этой крови пролил и подлее всех поступал. А знаете почему? Потому что наш мир — одна большая клоака, и результатом его даже самых высоких потуг может быть только дерьмо. Над нашей эволюцией как будто кто-то посмеялся. Или просто произошел сбой. Как у нас в лаборатории. Судите сами — весь растительный мир требует перегноя и удобрений, даже хлеб вызревает на навозе. Почти всё живое появляется на свет из того же места, из которого выводятся экскременты. То есть практически вперемежку с отходами жизнедеятельности. Это уже о многом говорит! Самые высшие, млекопитающие, пошли, правда, немного другим путем, но все равно — даже для появления венца природы раздвигаются тазовые кости. Что можно ждать от такого мира? Высоких и чистых свершений? Как же! И если мир так поступает со мной, со своим гражданином, то он не должен удивляться, если этот гражданин аналогично поступит со всем миром…

А теперь смотрите, самое интересное, — вот, видите эти два зажима с проводками на моей левой руке: один на мизинце, другой на большом пальце. Это отключение герметичности лаборатории. Сейчас через меня проходит слабый ток. Но как только вирусы, эти невидимые нанопираньи, начнут меня

поедать, превращая атомы моего тела в свои, и я исчезну, цепь разомкнется — три двери и нижний шлюз раскроются. Мне даже делать ничего не придется! И вирусы, страшные голодные вирусы, перемалывающие все живое и множащиеся по экспоненте, вырвутся наружу. И всем вам в считанные часы, ну, максимум сутки, — полный оверкилл. Кто еще не верит — спросите Президента. Он в курсе — я объяснял экспертам из Лиги, как были получены эти вирусы. Кстати, воду они в процессе своего стремительного победоносного шествия по планете будут превращать в нечто похожее на студень. С мировым океаном справятся даже раньше, чем с биомассой! Многие из вас еще успеют, вращая своими глупыми синими белками, полюбоваться с берегов океанов, морей, озер и рек, как подрагивают многокилометровые массы желе, трясясь, как целлюлитная задница жены нашего Президента после шлепка ее поддатого мужа. Это будет, честное слово, даже красиво: картина получится великолепная! А теперь, внимание, — мое предложение: мир наш до того сделался гнусным и несправедливым, что его пора ликвидировать. Может, вы сразу и не согласитесь со мной, но у меня нет желания подробно рассказывать и объяснять. Один хрен он скоро сам загнется — так вот давайте же уйдем достойно: добровольно, красиво, быстро. Очистим от себя Землю, произведем ее дезинфекцию. А? Конферансье, ты тут? Как тебе моя идея?

— Да, — ответил Президент Планеты. — Мы поняли ситуацию — у вас в руках очень серьезное оружие. А какие у вас условия и требования? Господин Десницкий, мы внимательно слушаем.

— Да я вижу, вы меня абсолютно не слушаете. Вы что — не поняли?! У меня нет никаких условий и требований. Я просто выношу приговор этой дерьмовой цивилизации, этой человеческой плесени, этой коросте, въевшейся в земную кору и называющей себя «ноосферой». Я выношу смертный приговор, и я же его сейчас приведу в исполнение! Вот и все. Я только это и хотел — объявить его, как и положено, чтобы все приговоренные это услышали. А теперь можете начинать читать молитву и прощаться друг с другом.

Президент Планеты кивнул головой. Он умел скрывать свои чувства. На этот раз он наверняка скрывал недоумение и растерянность — у террориста не оказалось требований…

4.Последнее желание

— Папа, он ничего не хочет?

— Получается, ничего, — машинально ответил папа.

— Лешик, кошмар! У него нет требований — он просто хочет нас всех уничтожить. И всё… Что же делать? — жена посмотрела мужу в глаза, как будто именно он, калужский учитель, мог знать ответ на этот вопрос.

— То, что у него нет требований, это, безусловно, осложняет задачу, — произнес Алеша как можно спокойнее, — но светлых голов наверху достаточно, там такие сценарии не раз проигрывались и просчитывались. Главное — втянуть террориста в разговор.

На экране, после небольшой заминки снова заговорил Президент Планеты:

— Хорошо, господин Десницкий, — условия диктуете вы. Как скажете. Отсутствие условий и требований — это тоже условие. Вы приняли решение приговорить человеческую цивилизацию к смертной казни. У вас есть эта возможность и есть уверенность в необходимости такой крайней меры. Мы уважаем ваш выбор. Ладно, что тут поделаешь — мы приговорены… Значит, есть за что. — Президент сделал едва заметную паузу, видно, у него уже была идея, но он прицинивался, как ее лучше подать. — Только у меня один вопрос: приговоренные, как правило, имеют право на последнее желание. Вы можете дать человечеству такое право?

— Последнее желание? — усмехнулся Десницкий, ему явно нравилась роль палача. — Безусловно, я ж не изверг. Право на последнее желание — дело святое. Я разрешаю вам воспользоваться правом на последнее желание. Я выполню его, если оно будет в разумных пределах, несложным и недолгим. Просите!

— Наше последнее желание — дайте возможность поговорить с вами десяти различным людям.

— О чем говорить?

— Они, чего там скрывать, попробуют вас переубедить, отговорить от последнего шага и отменить или, может, хотя бы смягчить приговор…

— Ха! Оригинальное последнее желание — поговорить по душам с палачом! У них ничего не получится — я вам сразу скажу. Но — раз это последнее ваше желание, я его, как и обещал, выполню, все должно быть честно. Только не десять (это утомительно), а — шесть. Это моя любимая цифра. Шесть материков, шесть дней творения, шесть граней кубика, шесть

пальцев было у моего отца на левой ноге. Итак — шесть. Правила таковы: я каждому переговорщику гарантирую одну минуту, после чего, если мне не интересно, я в любой момент его обрываю, и мы приглашаем следующего. Пойдет?

— Да.

— И последнее. Я еще раз напоминаю — малейшие попытки меня ликвидировать, или даже сюда приблизиться будут тут же мною замечены, здесь полно аппаратуры наблюдения, и я без предупреждения выпускаю свору смертоносных наноцерберов. Они здесь у меня всюду — мне достаточно будет ими просто выстрелить вместе с сигнальной ракетой. Если увижу, что по мне пущена торпеда или бомба.

— Хорошо. Мы будем сдержаны.

— Тогда — поехали!

— Ну вот, как я и предполагал, не всё так плохо, — успокаивающе произнес Алеша. — Не волнуйтесь, мои хорошие — диалог уже начался, они там, в мировом правительстве умеют говорить с террористами. У них полно толковых спецов — справятся. Один только Питер Писофчок чего стоит! Помнишь, Аленушка, как он три месяца назад виртуозно провел переговоры с главарями бригады «Шахиды за мир», взявшими в заложники целый Париж вместе с пригородами. Всего какими-то тремя миллионами откупились. У Писофчока виртуозная тактика — он сразу находит слабые места у противника, находит то, что тому дорого, и быстро договаривается о реальной стоимости. Три года назад, помнишь, когда он впервые схлестнулся с маньяком-наркоманом, захватившим женский монастырь? — Алеша говорил с Аленой рассудительно, он специально так говорил, чтоб сбить ее волнение. Да и свое тоже. — У того требования менялись, как картинки в калейдоскопе. Писофчок за десять минут переговоров выяснил глубинную проблему — оказалось, что мужчина бесплодный и на этом зациклился. Они договорились: террорист освобождает заложниц, а Писофчок лично дает ему средства на дорогостоящее лечение от бесплодия и трансплантацию. Помнишь, Аленушка?

— Да. Потом еще пошла целая серия захватов монастырей — и женских, и мужских.

— И даже роддомов. Но на это Писофчок создал Фонд удовлетворения требований террористов. И каждый террорист сегодня знает, что его требования будут быстро и качественно удовлетворены. Если, конечно, он не принесет вреда заложникам. Все сначала возмутились таким гуманным отношением, но затем поняли всю мудрость. Теракты ввели в цивилизованное русло. Их, по сути, легализовали и приручили. Кроме Писофчока и другие

есть. Терропсихолог Отто фон Дюбель, например. Говорит, как гвозди в мозги забивает — железный человек. Или харизматичный пастор Шпак из Канады, предотвративший космогенную диверсию байконурских байкеров. Одной только силой слова и убеждения. Ну и еще им там предоставили круиз вокруг Луны — бесплатно. Помнишь?

— Помню, — тихо ответила Алена, поглаживая голову Катюши. Она вдруг почему-то подумала: «Дочка так хотела съездить этим летом на море, словно чувствовала, так просила — она его еще ни разу не видела. Но на семейном совете я, глупая, настояла на ремонте в квартире. Море, оно никуда не денется, подождет, а вот смотреть весь год на старые обои и потолки в подтеках мы не будем. И весь отпуск ушел на ремонт. И девочка просидела в пыли. А счастье наше в это время, оказывается, уехало на море без нас. И не вернулось…» У Аленушки глаза стали влажными. К террористическим эксцессам за последние годы все немного попривыкли, хотя и всегда тревожились, но предчувствие на этот раз было каким-то особенно тяжелым. Не таким, как раньше. Муж, конечно, успокаивал, но этот террорист явно отличался от всех предыдущих. И по глобальности, и по сути. Те хоть боролись за что-то конкретное, за что сами готовы были погибнуть. И они всех не уничтожали, у них были свои, а у этого нет своих. И цель отсутствует. Даже требований у него никаких нет. Сорвет в любую секунду свои зажимы на руке — и все…

Зазвонил телефон. Алена вышла и через минуту вернулась.

— Кто звонил, Аленушка?

— Да сосед наш сверху, Наум Львович.

— Какой Наум Львович?

— Ты уже и забыл. Ну бывший бухгалтер, тот, который из Киева пять лет назад, после прорыва плотины, вернулся — он у нас двадцатку тогда занимал.

— И что он хочет?

— Он сказал, что хочет вернуть долг. Сейчас зайдет.

— Очень вовремя... — рассеянно пожал плечами Алеша.

5.Первые переговорщики

Президент Планеты, с кем-то посовещавшись и оторвавшись от телефона, сообщил:

— Первым с вами будет говорить господин Питер Писофчок!

— Писофчок! — воскликнула Алена с надеждой в голосе. — Лешик, ты слышал? Слава богу, с ним будет говорить сам Писофчок. Мы спасены.

— Вот видишь, я же говорил, что все разрулится. Питер Писофчок — это интеллектуальный Бэтмэн, известный своей потрясающей гибкостью ведения дискуссий, и еще не было случая, чтобы он не нашел общий язык с террористами. Мы станем свидетелями его мастерского триумфа! Они сейчас договорятся. Смотри.

На экране, у самого нижнего края, открылся малюсенький квадрат — в нем был Писофчок.

— Господин Эдисон Десницкий? Вы видите меня? Это говорит Писофчок…

— Йес, господин Писофчок. Я тебя плохо вижу, но очень хорошо помню. Не раз наблюдал в деле. Психолог ты, конечно, хороший — террористов разводил, как детей — становились послушными и шли за тобой, как крысы под дудочку. Уважаю. Но что ты МНЕ можешь предложить? Радетель и спаситель ты мой.

— В первую очередь успокоиться…

— Да спокоен я, разве не видно? Это вы все вокруг нервничаете, а я уже принял в душе свою близкую смерть. Вот передо мной, видишь, хронометр — осталось меньше двух часов. А точнее час сорок пять, и затем эти нанохищники, которые пока ничем себя не выдают, но они уже давно во мне, они ведут свои подготовительные работы, расползаются по всем кровеносным сосудам и капиллярам, занимая позиции в наиболее удобных местах моего тела, – так вот, затем они, как по сигналу, набросятся на меня изнутри и за секунды — хрум-хрум! — сожрут, раскрошив на молекулы, а затем на атомы. Видишь, как хладнокровно я об этом рассказываю? А ты говоришь, что мне надо успокоиться. Я видел одиннадцать смертей своих коллег. Эти нанотвари действуют строго по времени. Вот-вот меня не станет — ЧТО ты мне можешь такое предложить, чтоб я передумал?

— Я хочу вам напомнить о моем Фонде.

— Ты предлагаешь мне его возглавить?

— Нет, я предлагаю вам им воспользоваться. Давайте поразмыслим, на что вы его хотели бы употребить, и поговорим о

той сумме, которая для вас или, допустим, для людей, вам небезразличных, может быть интересна. Я предлагаю пока не спешить…

— Гениально! Это именно мне, которому уже ничего почти не осталось, предлагают не спешить? Ха-ха-ха! Это очень смешно, но я последую вашему садистскому совету и попробую не спешить, попробую помечтать, трезво порассуждать. Что я могу, как террорист, как вы меня почему-то называете, взявший в заложники все человечество, у этого человечества потребовать для себя — взамен сохранения жизни этому самому человечеству? Заметь, только для себя — близких у меня давно нет. Денег? Сколько? Про твой фонд давай сразу забудем — он был хорош для начинающих, для тех, кто детсадик взял. У меня масштаб не тот — скидываться должно все человечество. Давай разомнем извилины. Итак, сколько? Допустим, ты говоришь: дорогой Эдисон, мы предлагаем тебе восемь миллиардов глобаксов? Хорошо, я считаю в уме, получается — по глобаксу с носа? Маловато выходит, жадные скупердяи, дешево. А ты тогда в ответ предлагаешь восемьсот миллиардов. Чтоб по соточке получилось. Чтоб и вам не очень накладно — подумаешь соточка, да каждый ее выложит, — и мне, чтоб капиталец максимальный поиметь? Это уже теплее, говорю я. Это уже совсем неплохо, но вы бы и по штуке собрали, не правда, Писофчо-о-к? А тот, кто совсем беден, так за него более богатый отдаст, дело-то общее — шкуры свои спасать. Так вы рассуждаете обычно, когда торгуетесь с террористами, когда прикидываете на чаше весов тяжесть последствий от их действий и тяжесть затрат на предотвращение этих действий? О, я бы много мог запросить, да только, внимание, на что они мне? и как я это всё потрачу? Если я даже и за триллион глобаксов не смогу купить себе хотя бы одну единственную дополнительную секунду жизни, то это — хреновое предложение. А что еще ты, жалкая пустышка, мне можешь предложить? Ты привык предлагать только вертолеты, деньги, оружие, наркотики. Лететь мне некуда, деньги мне не нужны, оружие у меня есть, причем самое мощное, а наркотик для меня — это, уходя, забрать вас всех с собой. Это меня немного успокаивает, что не зря я родился и жил, я верил, что мне предназначена серьезная миссия, я просто не знал, какая. Теперь знаю. И я счастлив. А не то, что мямлит этот дурачок Писофчок. Писофчок, ты еще на связи?

— Да. Я к вашим услугам.

— А зря, мне с тобой говорить больше не о чем. Проваливай — спеши потратить свой фонд! Один — ноль, в мою пользу. Следующий!

Алена закрыла глаза. Алеша сжал ее руку. Писофчок, великий и непобедимый Питер Писофчок оказался бессилен и был удален после первой минуты, как недоучка-лицеист с экзамена! Ему даже не дали толком высказаться. Террористу, который обречен и у которого нет родных, деньги оказались не нужны.

— С вами будет говорить, — сразу произнес Президент Планеты, — пастор Шпак, Координатор Совета мировых религий, и он же представитель самой распространенной — христианской. Вы человек крещеный, кажется?

— Да хоть сам Господь пусть говорит! А я, действительно, зачем-то крещеный. Да только креста на мне нету. Глупости это все.

Из верхнего правого угла выдвинулась картинка с пастором. Чуть-чуть выдвинулась, чтобы не заслонить даже волоска на макушке Десницкого.

— Сын мой, одумайся, еще есть время уразуметь: даже одно убийство — страшный грех… — пастор Шпак решительно начал свою речь, густым и сильным голосом.

— Да ну?

— …а убийство миллиардов людей, убийство жизни на Земле — это грех, какого еще никогда не было.

— Святой отец, — перебил тираду Десницкий, — ты сам понимаешь, что говоришь?! Голос у тебя хоть и слоновий, но мозги куриные. Если никого не останется, то кто сможет сказать, что это грех? Кто будет оценивать плохо это или, может, наоборот хорошо? А вдруг это вообще часть замысла Божьего — наказать человечество, и он это сделает моими руками? Ты что, батюшка, против Бога? Про конец света в Библии четко написано: очередной ангел вострубил и всем — акбар! Я, может, и есть тот ангел и своей праведной десницей (недаром же у меня фамилия такая) ставлю точку в истории человечества, которая сплошь состоит из взлетов гордыни и грехопадений. Да и вообще, чего это вы так все засуетились и забегали, как тараканы по сковородке? По всем вероучениям жизнь человека на Земле — это только часть его жизни — дальше ждет другая, уже вечная жизнь. Так ведь? Это я в подобную чушь не верю, я атеист, а вы то чего, задергались, как на веревке? Рай ведь впереди, ну, если более-менее праведно жили. А если, кто верил, но сомневался в вере, то тем более — радуйтесь: сомнениям вашим приходит конец, и мы сейчас все вместе дружненько, несколько миллиардов, возьмем и удостоверимся, кто был прав и где мы окажемся после смерти, кто нас встретит там и что скажет. Хватит гадать! А кто не верил вообще ни во что, как я, кто понимал, что впереди пу-сто-та, то какая разница, когда канешь в небытие, годом раньше годом

позже — все одна бессмыслица. Чего цепляться, цыплята?

— Сын мой!..

— Отец, не тряси рясой, ты выглядишь идиотом. У вас, у церкви, было столько лет времени убедить людей в существовании Бога, вы столько столетий боролись с наукой, столько ее тормозили и — ничего не смогли. А знаете, почему не смогли? Потому что того Бога, о котором вы талдычите — нет. Ну нет, понимаешь? Был бы — он бы показался, он бы прямо заявил о себе: вот, мол, я, и прекращайте споры и сомнения — молитесь на меня и выполняйте заповеди. А не открывался бы исподтишка, только всяким избранным. Вот солнце есть, так оно есть — его все видят и ощущают. Луна есть. Земля, мы по ней ходим. Я всегда хотел его спросить — чего он прячется? Он что, издевается над нами? Пастор, я знаю, что у тебя найдутся ответы, но они меня не устроят. Мне не понятно, если есть Бог, то зачем тогда нужен прогресс, зачем тогда это очевидное развитие цивилизации? Мы ведь явно к чему-то идем. Не к тому ли, чтобы заодно еще с какими-то там целями, найти-таки с помощью науки этого виртуального шалуна. Найти и спросить: ты почему прятался? ты почему в бирюльки с нами играл и в жмурки? Эх, ты! А нам ведь так не хватало твоей поддержки. Да если бы был Бог, он бы не позволил мне сегодня, всего через полтора часа, уничтожить жизнь. А ведь он позволит. Не придет ко мне — прямо и без намеков и не скажет: а ну оставь человечество в покое! Выдумали вы его. По глупости по собственной. Устал я от дураков. Хватит. Два — ноль, я веду. Не трать времени, пастор, как тебя, Шпак, иди готовься ко встрече с Создателем, можешь ему на меня пожаловаться. Все! Второй переговорщик изошел. Циркачи церковники! Кто следующий? Только повеселее, конферансье, а то я стал от вас утомляться.

Президент Планеты, ошарашенный скоростью ведения переговоров, замешкался, хотел было что-то сказать сам, но, заметив нетерпеливый взгляд Десницкого, напомнивший, что сейчас он всего-навсего конферансье, объявил:

— С вами будет говорить ученый с мировым именем профессор философии гуманист Жан Поль Жапэ.

— Алеша, это тот Жапэ, который написал книгу «Куда идет человечество»?

— Да, Аленушка. У Жапэ светлая голова, он суперполемист. Этот не должен оплошать.

— Господин Десницкий! — обратился философ к террористу. На экране он открылся в маленьком кружочке в не совсем удачном месте. Казалось, как будто он сидит в одной из пробирок за спиной Десницкого.

— О, Жапэ! Бонжур, Жапэ, я слушаю тебя. Я даже читал твой опус. Обожаю философов. Они такие мудрые. Всесторонние.

— Господин Десницкий, да, я — философ. Я привык во всем искать смысл. Так, в принципе, устроены все люди, не только философы, — мы во всем должны видеть какую-то рациональность. Я вас хочу спросить просто как человека, вот случилось несчастье в вашей лаборатории, вы, к сожалению, обречены, вас очень жаль, и все вам очень сочувствуют. Вы скоро погибните, но объясните, какой вам смысл уничтожать заодно все человечество?

— Мюсье Жапэ, у меня есть встречный вопрос: а какой мне смысл его оставлять? Ведь, смотри, когда любой человек умирает, для него умирает и весь мир, так же? Ты, я надеюсь, в большей степени атеист, чем тот пастор? Так вот, так было всегда: человек умирал, и с ним умирал весь мир. Для него он переставал существовать, да? А сегодня, когда я исчезну, для меня так же исчезнет весь мир, только я хочу, чтобы исчез он теперь сразу для всех, по-настоящему исчез, по честному. Это будет, по крайней мере, справедливо. Разве в этом нет рациональности? Высшая справедливость — вот смысл моего поступка. А что, вам-то самим всем не совестно разве — ваш современник в расцвете лет погибает ни за кизяк собачий и разлетается на пылинки, а вы жить остаетесь? Вместо того, чтобы обо мне как-то подумать, выход какой-нибудь поискать — вы все о задницах своих печетесь. А ведь у меня никого из близких людей уже нет! Мне некого жалеть. Где вы были, когда на Бостон обрушили бомбу? Моя семья оказалась в эпицентре взрыва — все сгорели! А из-за чего? Проблема ведь была пустячной. Военный летчик сошел с ума в воздухе и требовал-то всего-навсего, чтобы Командующий ВВС высунулся из окна своего кабинета и пострелял бы в воздух холостыми патронами, напевая «Хэппи бёздэй ту ю!» У летчика был день рождения — свихнулся от хорошего настроения. Так что — у Командующего отсохло бы? Зачем начали непонятный торг, возню. Моя жена через неделю должна была родить. Девочку. Очень красивую девочку. У нее уже имя было. У меня остались только несколько ее фотографий, сделанных в утробе. И всё. Даже праха от нее не осталось! У нее день смерти опередил день рождения. И на Стене Скорби отсутствует дата рождения, только - смерти! Нет… Нет у вас доводов, чтобы я вам сохранил жизни. Нет мне резона оставлять вас. Не заслужили. Не придумали вы и не придумаете ни единой зацепки. Я сам искал ее, но ее нет. Мне человечество после моего ухода не нужно. Ну разве я не прав? На кой бубен оно мне?

— Но послушайте, господин Десницкий, вы-то ведь один, а

хотите забрать всех?

— Да на чаше весов моя жизнь не перевешивается миллиардами других жизней, гуманисты хреновы, тут количеством не меряется. Жизнь любого человека равна жизням всех остальных. Один равен всем. Такая арифметика. Вы просто этого еще не поняли, да теперь уже и не поймете. Всё одинаково. Скучно мне уходить самому. Люблю я вас, люди, не могу без вас, простите, если что не так…

— Э, э, погодите прощаться. Эдисон, не торопитесь, прошу вас!

— Опять «не торопитесь». Что вы заладили одно и то же. Ну, не тороплюсь я, мне еще час с хвостом осталось — времени уйма! А вам и того больше. Да только переливаем мы одно и то же — из пустого в порожнее, да еще и через дуршлаг. Не верю я ни во что, и умереть с легким сердцем я смогу только, если со всеми. Вот такой я коллективист, такой общественный человек. А ты, Жапэ, — самовлюбленный глупец, думающий не полушариями, а половинками, причем только о себе. Прощай, Жапэ! Иди заберись на свою Эйфелеву башню и насладись напоследок видами Парижа. Заодно выбери себе кладбище покрасивее. Адью, гарсон! Ля фэн де ля комеди... Вот уже полжелания последнего исполнено, с тремя мы поговорили — довольны, кадаврики? Перерыв пять минут. Объявляю телевизионные новости! Покажите покрупнее ведущего мировых новостей, я разрешаю, — пусть расскажет, что нового в мире, какая где погода. А то я тут подотстал немного от жизни. Только не надо обо мне.

Ведущий рассказывать другие новости не мог, потому что их попросту не было, но приказ террориста не обсуждался — и он принялся без энтузиазма повторять вчерашние. Сначала он пробубнил о невиданных успехах в нанотехнологиях, главным из которых стала скорая возможность реально уходить в виртуальный мир. Затем сообщил о забастовке психиатров Туманного Альбиона, которая сразу парализовала нормальную жизнь этого когда-то процветавшего острова. Потом объяснил причины ухудшения положения незаконно клонированных в России и кто за этим стоит. Зачитал о трехчасовой предупредительной голодовке международного экипажа на орбите. И привел примеры массовой эксгумации в Китае, ставшей следствием Программы восстановления ДНК умерших. И в конце сказал о погоде.

Абсурд чтения вчерашних новостей не выглядел абсурдом на фоне того, что разворачивалось сейчас. Обескураженный мир переваривал переговоры. Молча. Не обсуждая. Десницкий во время их проведения иногда энергично жестикулировал. Той

рукой, на которой были зажимы с проводками. В правый верхний сектор экрана была выведена отдельно и увеличена кисть этой руки, ее все время показывали, и было видно, что один из зажимов, на мизинце, сидит не так плотно и иногда чуть-чуть съезжает то в одну, то в другую сторону. Но никто, даже Президент Планеты не осмеливался упомянуть об этом, чтобы ненароком не вызвать обратную реакцию террориста. И не будет преувеличением сказать, что большая часть человечества в эти минуты – кто мысленно, кто вслух – взывала у экранов к своим разнообразным богам, прося у них впервые одного и того же. Но ничего не менялось, террориста не поражала ни молния извне, ни жалость изнутри. И три лучших переговорщика не смогли даже пошатнуть уверенность Эдисона Десницкого в своей кошмарной затее. Положение ухудшалось с каждой секундой. Алеша встал и прошелся вперед-назад. Жена и дочка сидели на краюшке кровати, прижавшись друг к дружке. «Как странно! — подумал Алеша. — Все предметы в квартире потеряли свое назначение и смысл. Например, гладильная доска. Велосипед на балконе. Календарь на стене. Многое можно уже не делать. Упавший со стула галстук — не поднимать, да и для чего он вообще? Кровать уже можно не застилать. А ставшие часы в комнате не ремонтировать»…

6.Крах переговоров

На экране вдруг появилась женщина. Молодая и очень красивая. И места она заняла прилично — восьмую или даже шестую часть экрана. Не все даже сразу поняли, что это возобновились переговоры.

— Здравствуй, Эдик… — сказала она тихо.

— Привет, а кто это там мяукнул? — быстро отреагировал Десницкий. — Не вижу картинки.

— Это — я, Эдичка…

— Эдичка — это я. А ты кто?

— Я, Эдичка, — твоя бывшая одноклассница Эльвира Куклина... Ты меня помнишь?

— О-О-О-о-о-о-.-.-… Помню ли я тебя? Далекая Россия, выпускной класс, первая любовь. Любовь с первого класса и до последнего звонка. Вижу-вижу… вот так встреча! Дай хоть сосчитаю: 33 — 16 = 17. Семнадцать лет не виделись! И ты не изменилась! Помню ли я ее? Да я ж влюблен был в тебя, Кукла, всеми своими клеточками, и не только половыми. И боготворил я тебя, как собака Робинзона боготворила своего хозяина. И мечтал о тебе, сильнее, чем старик мечтает о молодости, и безнадежнее, чем умерший мечтает о старости. А мы ведь даже не целовались. Одно только твое слово тогда — и все было бы по-другому — и я никогда бы не оказался на этой проклятой плавучей лаборатории. Вот жизнь… Слушай, честное слово, не ожидал тебя увидеть. Седовласый хитрый лис конферансье сумел все-таки подсунуть сюрприз! Молодец. Я любил тебя, Кукла, несмотря на то, что однажды увидел. Помнишь, как в выпускном классе мы ходили в поход. Это был ужасный день моей жизни. Но с утра я этого еще не знал, я был счастливым человеком — ведь у меня, думал я, будет возможность подавать руку, когда ты будешь прыгать через ров, помогать тебе перелазить через поваленные деревья, переносить тебя через ручей. Да много всего может произойти. И произошло… Ты не знала этого, ты не видела, что я вас видел. Тогда, на привале… Я вдруг заметил, что тебя нет — и стал волноваться. Я не обратил внимания, что не видно еще и моего лучшего друга — Паши Кукушкина. Я пошел тебя искать и — нашел, на свою голову… С тех пор мое самое ненавистное сочетание цифр это — «шесть и девять». Вот такая простая кабалистика!.. Ну, да ладно. Проехали. Я тебе, помнишь, на выпускном вечере говорил, что когда-нибудь и ты захочешь меня, но будет уже поздно. Говорил? Я угадал? Ты ведь объявилась тут, чтоб я тебя трахнул?

— Эдик. Я согласна прилететь к тебе, я успеваю, ты меня впустишь через шлюз — и я разделю с тобой твою участь…

— Ну не сука?! У тебя ж, я слышал, муж есть – мультимиллионер, коллекционер искусства. И трое детей!

— Ради них… — последовал тихий ответ.

— Хм. Считай, что я тебя уже поимел. Раньше надо было думать. Как говорится: хороша ложка к обеду, а шлюшка — к вечеру. Все, возвращайся в семью. Жди меня дома. Я к тебе сам скоро прибуду — в виде вирусов. Они, вместо меня, тебя будут трахать. Такой оргазм получишь — на атомы разлетишься. А мне лично уже не до секса с конкретной женщиной — я хочу обладать всей планетой. Меня это очень возбуждает. Взять ее за «груди-горы», как говорил поэт, нащупать у нее Марианскую впадину и … какой она испытает экстаз! Какие землетрясения и извержения начнутся, какие цунами пойдут — люди забегают по поверхности, как насекомые лобковые, и посыпятся в тартарары. Вот мне какой акт нужен! В принципе, я его и так уже совершаю. А ты, Кукла, не трать времени. Беги давай к мужу, тоже займитесь любовью, на прощание… Вот и все — уже с четырьмя переговорил, а ничего путного не услышал — только устал. Конферансье, давайте еще двоих последних — и закругляемся. Сколько времени? Ого — час пятнадцать еще осталось. Как медленно время тянется. Ну да мы столько ждать не будем. Как только солнышко за горизонт зайдет — так и мы туда же. Оно уже почти коснулось воды. Надо же, какой красивый закат, жаль, что я не художник. Ну, ничего. Конферансье, ты где, старый болван, объявляй следующий выход — до захода надо управиться.

Президент Планеты, по-прежнему, выглядел спокойным, слишком спокойным. Он даже напоминал бы покойника, если б не капельки пота, выступившие на лбу. Чувствовалось, что приближается что-то страшное и неотвратимое. Приближалась смерть человечества. Вот так просто и обыденно, с дурацкими шуточками и прибауточками ее исполнителя. Костлявая уже потирает руки, еще бы — такая жатва предстоит. Пятым говорил известный немецкий терропсихолог-миротворец Отто фон Дюбель. И на него возлагались серьезные надежды. Предпоследние надежды.

— Есть два способа победить смерть, — не поздоровавшись, сказал Дюбель, чеканя каждое слово. – Первый — сделать человека бессмертным, то есть сделать так, чтобы люди перестали умирать: от болезней, от старости, от случая. И второй — уничтожить жизнь на Земле. Без жизни смерти тоже не будет. Она умрет вместе с последним организмом. Сейчас она наверняка потирает ладони, но она глупа и не понимает, что ей тоже

крышка. Но мы-то — люди. У нас есть разум. Мы должны видеть разницу. Уважаемый господин Эдисон Десницкий, для вас, как для ученого, не секрет, наверно, что человечество стоит на пороге бессмертия и скоро все люди, благодаря стремительному научному прогрессу, умирать перестанут. Хорошо известны наработки той же компании «Мафусаил», уже вовсю продающую свой иммортиум. Есть и другие не менее серьезные прорывы — других лабораторий. Вот-вот начнется абсолютно новая, скорее всего очень счастливая, жизнь. И уже понятно, что она охватит не избранных богатеев, а всех. Бессмертие уже признано достоянием всего человечества. Даже в «Декларации прав человека» в этом году единогласно ввели строку о праве личности на бессмертие. Вы понимаете, ЧТО хотите забрать у людей? Вы осознаете это грандиозное будущее всех, несопоставимое, с вашей одной жизнью?

— Вот!!! Спасибо тебе, Дюбель! Данке шон тебе! Подсказал мне, попал наконец-то в самую точку, а то я все никак не мог нащупать основную мысль. Теперь вы поймете! — Эдисон Десницкий вдруг оживился так, что у него чуть не слетел с мизинца зажим. Миллиарды людей с ужасом увидели, как он его походя поправил. — Вот! В этом и есть главная гнусность человечества! Оно уже взялось за ручку двери, ведущей в бессмертие. Оно уже начало приоткрывать ее. Вот-вот, и вы получите самое главное — неограниченную жизнь, полную удивительных открытий, нескончаемого счастья, великих дерзновенных целей, еще никому неведомых. Только у меня к вам главный вопрос: а почему не вспоминаете о всех тех, кто шел к этому — наших предках? Почему вы не говорите о тех тысячах поколений людей, живших до вас, которые давно подохли, двигая эту цивилизацию. Вы не задумывались, почему вам, по воле случая, родившимся позже, достается все, а другим, вашим пращурам, ставшим уже землей и травой, — вы показываете средний палец, который они даже увидеть уже не могут. А ведь они тоже хотели бы полюбоваться тем невообразимым будущим, которое станет для вас настоящим. Но у них нет глаз. У них даже глазниц уже нет! И я тоже хотел бы. И не только полюбоваться, но и поучаствовать. Так нет — мне туда дверь закрыта. Я только успел прикоснуться к тайне, я только успел узнать, что она, эта дверь, существует. И все. Лучше б я не знал. А то несправедливо выходит. А я так не люблю несправедливость, когда одним всё, а другим — всё остальное. Поэтому я и хочу сделать мир этот справедливым. А единственный способ сделать его таким — его просто уничтожить! Вот так-то. Вы думали, что человек царь вселенной, а человек — еда для наночудищ. Они, кстати, все

изначально бессмертны. У них жизнь получится справедливей нашей. Может, мы для этого и были созданы, чтобы создать тех, кто нас скушает. А то выдумали: сапиенс, ноосфера… Слова-то какие. Всё! Кончилась ноосфера, капут ей, Дюбель, начинается наносфера. Хватит! Убирайте пятого, давайте шестого… Что это??? Так, стоп! Мы так не договаривались. Что это за корабль приближается к моей лаборатории! Эй, конферансье? Ты главнокомандующий или грязь из-под ногтей? Убрать это корыто, а то я сейчас же распахну все двери!

7. Прощальная лотерея

— Нет-нет, Эдисон, постойте… — на экране снова появился Президент Планеты. Уже не спокойный, а взволнованный и растерянный. — Я не отдавал приказа — это случайно, наверно заблудились… Это туристический лайнер!.. Наши охранные катера сейчас его развернут… Вот, видите, его уже разворачивают.

— Туристический лайнер? Самое время для путешествий, вот идиоты… А тебе, конферансье, я вижу, не то, что планетой руководить, бутылки собирать нельзя даже доверить. Такой бардак! Я еще раз предупреждаю, даже не предупреждаю, а разъясняю, что со мной вы ничего сделать не сможете. Любые действия приведут или к саморазгерметизации лаборатории, или к ее открытию только от одного моего движения. Я сорву, к черту, любую из этих двух прищепок на моей руке, и всем — обещанный медный таз! Ты понял меня?

— Да, клянусь, — последовал поспешный ответ.

Угодливый и подавленный вид Президента Планеты поверг и без того оцепеневший мир в новый шок. Таким Президента никто никогда не видел. Он сломался. Мокрый от пота чуб прилизанным локоном лежал на лбу. Он был уже больше похож на услужливого престарелого лакея. Или на нерасторопного швейцара, получающего нагоняй от владельца ресторана. Или даже на подслеповатого пса, лижущего бьющую руку хозяина. Пять переговорщиков, как пять теннисных мячиков, сначала отскочили от стенки, а потом с хрустом поочередно были раздавлены сапогом невозмутимой логики палача. Мир застонал от бессилия. Алена заплакала, глядя на этот кошмар. Дочка всхлипнула тоже. Алеше показалось, что вся планета стала одним огромным пассажирским аэробусом, уже потерявшим управление и со свистом начавшим последнее снижение. Слишком быстрое, чтобы надеяться на мягкую посадку. И не было в этом обреченном воздушном разваливающемся судне места, где можно выжить — ни в хвосте, ни в середине, ни в кабине пилотов. И ничем нельзя успокоить воющих и молящихся в бездушный космос людей, сходящих с ума от ожидания страшной гибели. И не существовало силы, которая могла бы их спасти от падения, подставив огромные добрые ладони.

— «Клянусь», — передразнил Президента Планеты террорист. — Чем ты можешь клясться, дурья башка? У тебя же уже ничего нет! Ха-ха-ха! Ты разве это до сих пор не понял? Вы меня с этим круизным лайнером, ну, просто достали. Хотел уже закончить эту

затянувшуюся песню, да вот обещал дать возможность шести кретинам поговорить со мной на прощание. Поклялся. Мне хоть есть, чем клясться. Всей Землей поклялся, могилами своих родных, убитых этим миром, поклялся, что будет шесть. Только за лайнер вас надо наказать. Как бы вас наказать за то, что вы вторглись в мои воды? Ага, вот как: шестого переговорщика я выберу сам. Нет, не сам. Пусть жребий решит. О! Это даже мне уже становится интересно. Во всем должен быть элемент игры. Иначе жить скучно. И умирать… Мы выберем случайного человека. Хорошо, что год назад всех пронумеровали, как баранов. Сколько там цифр должно быть? Эй, Первый перец на грядке, подскажи, сколько там цифр, а? Президент почти мертвой Планеты?

— Сейчас-сейчас, — сказал Президент Планеты, — сейчас мне доложат. Вот, десять цифр!

— Отлично. Возьмем мои время, дату и год рождения. Родился я, мама рассказывала, в полшестого утра. Полшестого… Как это символично! Любимое время импотента. А теперь весь мир висит-болтается на полшестого. Так, значит, первые цифры индивидуального кода — пять, тридцать. Потом — двадцать второго числа второго месяца тысяча девятьсот девяносто пятого. Сейчас запишу. Итого получаем, как говорится, в спонтанно-любимой всеми нами моментальной одноразовой лотерее, выигрышный номер: 5 302 221 995 — как раз десять. С человеком, которому посчастливилось получить мировое удостоверение под этим номером, я и буду разговаривать. Это будет последний человек, с кем я стану иметь дело. Больше я не обращусь ни к кому. Прошу разыскать его и наладить мне связь с ним. И пусть говорит в камеру — я хочу его видеть. Я могу немного подождать — даю пятнадцать минут. Мне аж самому стало интересно, кто это окажется. Мужчина-интеллектуал? Женщина-блондинка? Старик, выживший из ума? Младенец, еще ничего не соображающий? Праведник? Заключенный? А может быть, он уже умер в течение года? Вот — судьба. Но, скорее всего, по теории вероятности, это окажется какая-нибудь обывательская серость средних лет. Делайте ставки, господа, в ком жив еще азарт игрока! Или просто — рассаживайтесь у экранов поудобнее и смотрите захватывающую финальную сцену человеческой истории. Шекспир! Где этот мелкий трагик со своим придурком Гамлетом? Самодеятельный драмкружок. Жаль, что он не может взглянуть — поучиться, как надо ставить спектакли. Как там у Шекспира: «Весь мир — дерьмо, и люди в нем…» Кто же люди в нем? Забыл.

8. Добрые сутки!

— Папа, опять телефон звонит. Я сейчас принесу.

— Спасибо, доченька. Это, наверно, опять Наум Львович. Алло? Да. Я. Смотрю... Как? Вы не вовремя шутите… До свидания.

Мама с дочкой смотрели на папу. Выражение его лица было необычным. Положив трубку, он повернулся к ним и со странной усмешкой сказал:

— Что за бред! Незнакомый голос сказал — это мое число... Самое время для шуток!

Снова зазвонил телефон. Потом почти сразу мобильный телефон жены. Потом затринькала мелодия и у Катюши, старинная — «расцветали яблони и груши»… Все вокруг как-то зашевелилось, ожило. Проснулся комп, засигналил — повалили письма. Алена бросилась к столику в коридоре, достала удостоверение мужа и, подойдя к экрану, на котором внизу висел номер, названный террористом, стала сверять его.

— Это… твой номер, Лешик… — произнесла она дрожащим голосом.

Алеша с недоумением смотрел на нее. Взял удостоверение сам. Пробежал глазами три раза. Сравнил с цифрами на экране — все совпадало! И тут же ведущий новостей в телевизоре вдруг произнес его фамилию. Несколько раз произнес, приглашая откликнуться... «Так не бывает… Это черная насмешка судьбы», - подумал Алеша. Алена семь лет каждое воскресенье безрезультатно покупала билеты всемирной лотереи, и все семь лет Алеша подтрунивал над ней. А теперь получается — именно он и сорвал джек-пот, сыграв лишь раз. Сыграв против своей воли. Но ведь так же не бывает!!!… Алеша снял трубку домашнего аппарата — он разрывался громче всех.

— Алексей Федорович? С вами будет сейчас говорить Президент Планеты.

— Хорошо… Пусть говорит…

— Hello, Alex.

— Здравствуйте, Алексей, — эхом повторил автопереводчик, — это Президент. Алексей, вы в курсе, что происходит?

— В курсе, господин Президент…

— Отлично. Этот обезумевший ученый будет сейчас с вами разговаривать — у нас есть пять минут подготовиться. Мне доложили, вы — учитель истории?

— Да…

— Так, хорошо. Вы сейчас нормально себя чувствуете? Алло? Вы не пьяны? Не больны?

— Нет… Просто это чересчур неожиданно… — Алеша вытер выступивший пот.

— Сейчас все неожиданно. Для всех. Мы все сами тут уже на грани сумасшествия — полный дурдом! Но ничего не поделаешь — надо выполнять его идиотские требования. И надо держаться. Постарайтесь побыстрее прийти в себя — у нас нет выбора. Алексей, сделаем так. С вами на связи будут постоянно наши люди. А именно господин Питер Писофчок. Вы слышали о таком? Он опытный переговорщик — справится. Так что вы не волнуйтесь. По сути, он и будет вместо вас вести переговоры, а вы только повторять его фразы. Слышите, только повторять. Строго за ним. Вернее, за его переводчиком. С террористом можете говорить по-русски — это его родной язык. Так что вам будет в этом смысле полегче. А то мог вообще попасться по этому дурацкому жребию какой-нибудь абориген-афропитек. У вас микроклипса имеется? Спрячьте ее за ухом, чтоб не было видно. Камера есть?

— Есть, но только допотопная — немецкая… Китайской нет.

— Ладно, пойдет. Установите ее — Десницкий должен вас видеть. К вам, в любом случае, уже едут люди. И у дверей будет дежурить спецназ. Они во всем помогут, если понадобится. Кто с вами сейчас в квартире?

— Жена и дочка…

— О`кэй! Передайте эту трубку жене. Всё, осталась минута. Берите мобильный — вам уже звонит Писофчок. Удачи вам, держитесь — от вас зависит спасение человечества.

— Ну что там у вас? Время истекает… Кровью. Хе-хе-хе! — заговорил нетерпеливо Десницкий. Он был еще сильнее возбужден. Белки у него были уже откровенно синие. А в уголке одного глаза появилась такая же синяя капелька. — Давайте быстрее — осталось меньше часа, а мне не терпится поговорить с последним человеком. Кто он? Мужчина? Хорошо. Из России? Прекрасно, земляк, значит. Всё, хватит мне рассказывать о нем — я у него сам спрошу, если будет интересно.

Алеша прошел в комнату, сел перед компом и включил камеру. Через секунду его бледное, напряженное лицо появилось на экране телевизора. На экранах всех телевизоров. Его изображение заняло целую половину экрана — но Десницкий не возразил. В Алешином мозгу в самом центре сразу что-то кольнуло, и боль словно застыла. Это бесчисленные человеческие глаза с надеждой пронзили его, неотрывно глядя в его глаза. В глаза простого учителя, который когда-то, придя впервые в школу, целый год привыкал к тому, что на него смотрят три десятка учеников, и не всегда уютно себя чувствовал под их

взорами. Но сейчас на него смотрело все человечество. Правда, сам он видел глаза только одного. Очень страшные глаза. В клипсе за ухом послышался бодрый голос Писофчока и его автопереводчика.

— Вы готовы, Алексей? Начинаем. Поздоровайтесь с Десницким.

— Доб…рое ут…ро..

Террорист доброжелательно засмеялся:

— Отличное начало! «Доброе утро!» Оборжаться! Слово «доброе» мне очень понравилось — я тоже так считаю, что доброе. Приятно услышать единомышленника. Только — не «утро», чудак! Это у вас там, в Муходранске утро. У меня здесь, в Океании, например, вечер. Солнце садится. А для планеты вообще ни утра, ни вечера не бывает. У нее только сутки. «Добрые сутки!» — вот как нужно говорить, когда тебя слушает весь мир. Понял, покойничек? Повтори: добрые сутки, Эдисон Десницкий!

— Добрые сутки… Эдисон Десницкий…

— Добрые сутки, шестой переговорщик. Как тебя, кстати, зовут, представься. Пока не преставился.

— Меня … зовут Алексей. Кара…

— Карамазов?

— Нет. Карамелев.

— Ну, мели, Карамелев. Только вытащи, пожалуйста, у себя из-за уха клипсу, а то у меня есть подозрение, что там торчат губы суфлера. Там наверняка прячется какой-нибудь сверчок-Писофчок.

Алексей снял клипсу и почувствовал себя, как скалолаз без страховки. Он проглотил сухой комок. В голове так же стало сухо и пустынно. Ни одной мысли. Проклятый организм! Но надо выкарабкиваться. Надо говорить. Но ЧТО? Ведь этому человеку ничего, абсолютно ничего не надо!!! Он потер горло.

— Принеси папе воды, Катюша! — прошептала Алена дочке и взяла в свою руку руку мужа. — Говори, что думаешь, Алеша, я в тебя верю!

Глаза ее были красные, но сухие. Слезы кончились.

— Я… не знаю, что вам сказать, — начал, запинаясь, Алеша. — Вы говорите: мир — дерьмо… У меня нет доводов, чтобы это опровергнуть. Вернее, я даже не уверен, что это не так… Ваша позиция сильна — действительно, с уходом человека для него всегда уходит весь мир… Атеисты так считают. Верующие думают по-другому, но, во-первых, у них нет доказательств, во-вторых, если они правы, или хотя бы кто-то один из них прав, то ничего страшного тогда не произойдет — все мы тут же окажемся перед Господом, и он нам судья… То же касается и всяких возможных

инопланетян, наблюдающих за нами, и неведомый Высший разум, выращивающий нас. Останется и информационная жизнь, если она есть в каких-то там еще не открытых полях, которая продолжится после нашей смерти. И теория превращения из кокона в бабочку не пострадает. И реинкорнация. И … Да что тут говорить. Если есть загробная жизнь в той или иной форме, то, когда вы приведете свой приговор в исполнение, мы все за сутки переберемся туда и всё узнаем… Вы правы. Действительно, смешно, что все так занервничали и засуетились тут на Земле. Вот сгинем все разом и получим через миг ответы на главный вопрос: что там за последней чертой. А кто ни во что не верит — тому и вовсе нечего терять. Годом раньше, годом позже — какая разница, если впереди все равно пустота…

— Приятно слышать умную речь, Карамелев, — одобрительно отозвался Десницкий. — Спасибо за поддержку — я аж чуть не всплакнул, так ты меня растрогал. Я и в самом деле так считаю: весь мир — дерьмо, а люди в нем — бумажки… Мне, действительно, от всей души нет дела до этого мира, который намерился продолжать жить, когда меня не станет. Сейчас 2028-ой. А 2029-го для меня нет. Даже завтрашнего рассвета для меня нет! Понимаешь, Карамелев, и понимают ли они, эти циники, которые планировали жить дальше. Меня не будет, а они останутся. А хрен вам! Так мало того, что они останутся, так они еще и жизнь думают свою ничтожную продлевать. А то и вовсе не умирать. А я, значит, разлагайся на молекулы и атомы?! Да вы мне просто в душу мою плюете! Поэтому пойдете вы вместе со мной, как миленькие, поняли, жмурики?

9.Живая вода

В комнату, спотыкаясь и обливаясь водой, вбежала Катюша, неся наполненный до краев стакан. У нее, наверно единственной на всей Земле, сразу поднялось настроение, когда стало ясно, что за дело переговоров с ужасным террористом взялся ее папа.

— Пей, папочка, скорей, а то эта вода разливается, совсем как живая.

— Спасибо, — напряженно усмехнулся Алеша, беря стакан. И замер: «Живая!». В эту самую секунду в его голове сверкнула идея. Он вдруг понял, о чем будет говорить. Катюша, сама того не ведая, подсказала, вернее, напомнила, ему одну мысль, которую он давно хотел обдумать, да все не было времени. Эта мысль касалась некой догадки, посетившей его еще год назад — после чтения дочери сказки. Что ж, придется обдумывать на ходу… Алексей ощутил, как возвращается уверенность и спокойствие. С каждым глотком.

— Я могу продолжать? — спросил Карамелев как можно вежливее.

— Да, Карамеля.

— Спасибо. Так вот я что подумал. Я подумал, что есть еще одна гипотеза. По-моему, даже она и зародилась у нас в России. Довольно давно, но до сих пор она остается не очень распространенной. Я и сам ее толком не успел ни обмозговать, ни обговорить ни с кем — все не было из-за суеты времени. Попробую прямо сейчас… По ней получатся, что вы, уничтожая планету вместе с собой, убиваете себя не один раз, как вы предполагаете, а два.

— Поясни тот бред, который ты только что сказал.

— Дело в том, что, погубив человечество, вы лишаете всех людей, и живущих сейчас и умерших давно, о которых вы говорили, а главное для вас — и самого себя и ваших погибших близких — шанса на воскрешение в будущем. Только не на то религиозное воскрешение усилием Бога, в которое вы не верите, и не на иллюзорное оживление инопланетянами, а вы лишаете себя шанса на воскрешение нашими потомками, руками самого человечества.

— Поясни теперь это свое пояснение, я ни хрена не понял.

— Хорошо. Тогда по порядку. Вот мои рассуждения. — Алеша понимал, что говорит сумбурно, но маяк он видел и греб к нему. — Я — историк. Если проследить мировую историю, то можно заметить: в мире все время увеличивается не только число всевозможных прав, но и резко раздвигаются границы понимания

на кого эти права могут распространяться. Так появились права детей, права инвалидов, права смертельно больных. Даже у животных уже есть права. Пройдет немного времени, и мы осознаем еще одну важную истину: права имеют и мертвые. Причем, как это ни странно звучит сейчас, — такие же точно права, что и живые. Бессмертие, на пороге которого стоит человечество, не может стать прерогативой одних лишь нынешних людей и людей грядущего, по воле случая родившихся позже и получивших возможность жить вечно — практически в подарок — за счет достижений своих ушедших предков. Вы на это сами обратили внимание, когда говорили с предыдущим переговорщиком. Умершие тоже имеют право на жизнь, и помочь им воспользоваться этим правом как раз и должны будут их ставшие всемогущими потомки. — Алеша поставил стакан и торопливо, чтобы не потерять мысль, продолжил: — Теперь послушайте дальше. Вы атеист. Вы не верите ни во что. Я тоже атеист. И тоже ни во что не верю. Почти ни во что. Между нами есть разница, но я, думаю, проходящая. Все дело в том, что я немного верю в человека. У нас почему-то верить в человека считается абсурдом, полной глупостью, а верить в неведомые Высшие силы — это серьезно. Я не могу, разумеется, исключить наличие Высших сил, да они, скорее всего, и существуют. Но роль их в нашей жизни наверняка не такая, какую мы им приписываем. Для того и дали нам мозги, для того и попер во всю прогресс, чтобы люди всё сделали своими руками. Угробим Землю, погасим цивилизацию — туда нам и дорога. Никто о нас не всплакнет. А выстоим, выкарабкаемся — пожалуйста, скажут, милости просим к нам в семью разумных цивилизаций.

— Ну, а мне-то толк какой со всего этого?

— Вам? Тут все просто. Я, конечно, не могу быть в этом уверен на все сто, но ведь это шанс. Это тот единственный случай, когда Землю уничтожать вам лично не выгодно, даже если вам скоро умирать. Цивилизация людей, если избежит гибели, рано или поздно дойдет до того уровня, когда люди не только сами перестанут умирать, но научатся возвращать к жизни и давно умерших. И вас вернут. И ваших близких.

Десницкий от души рассмеялся. Он даже закашлялся от смеха.

— Карамелев, неужели ты сам всерьез веришь в ту утопию, которую только что нарисовал? Если бессмертие еще может быть предметом разговора, то воскрешение — очевидная сказка.

— Да, сегодня это – сказка. А вы когда-нибудь обращали внимание на такую любопытную закономерность: народные сказки были придуманы очень давно, а многое, что в них людям

грезилось, уже к нашему времени сбылось. Это мне моя дочка на днях заметила. Чего людям раньше хотелось? Ковер-самолет, летающий выше облаков. Уже существует, это — авиация. Яблочко на тарелочке, показывающее изображение на расстоянии? Пожалуйста, в каждой квартире такое чудо теперь, и тарелки на домах висят. Скатерть-самобранка? Это микроволновки и кухонные комбайны. Сапоги-скороходы? Весь наземный транспорт от велосипеда до монорельсовых электричек. Волшебное колечко, указывающее дорогу. Сейчас это всевозможные навигационые приборы. Что еще осталось? Шапка-невидимка? Как все мы хотели иметь такую шапку, когда были детьми. Сегодня, пожалуйста, — уже запатентованы с десяток технологий создания одежды, делающей человека невидимым для окружающих. Все это, конечно, не случайные совпадения. Все это наталкивает на дерзкую, но естественную мысль: сказки, воплощенные в них мечты, какими бы невероятными они не казались, обладают потрясающей особенностью — они непременно, рано или поздно, становятся реальностью. А самое заветное чаяние людей, о котором упоминается во многих сказаниях, былинах и мифах разных народов, это — живая и мертвая вода. Мертвая — чтобы человека собрать по кусочкам, живая — чтобы воскресить… Мертвая вода уже существует в начальной стадии: сперва человеку сумели возвратить отрубленный палец — и это казалось фантастикой. Потом, через несколько лет научились пришивать пострадавшим отрезанные кисть и стопу, затем — целую руку, ногу, голову. Я уже не говорю о пересадке практически любых внутренних органов. Медицина становится все более ювелирной и точной. И на смену микрохирургическому вмешательству уже приходят нанороботы, манипулирующие на клеточном, молекулярном и атомарном уровнях. И не выглядит уже такой безудержной фантазией предположение, что в отдаленной перспективе даже давно ушедших смогут восстанавливать и возвращать к жизни. И ничего сверхъестественного в этом нет. Просто сбудется очередная мечта человечества. И, разумеется, не последняя.

Алеша случайно встретился глазами со стоявшей рядом дочкой и увидел, с каким неподдельным восхищением и гордостью она на него смотрит. Он подумал: только дети умеют жить настоящим и начисто забывать о тревогах. И еще промелькнула мысль: вчера обещал придумать сказку и рассказать ее на ночь дочери, а сам теперь сижу и рассказываю сказку чужому дяде. И вместе с ним всему человечеству. Сказку, которая может никогда не стать явью. Если человечество заснет…

10.После смерти мы окажемся в будущем

— Да как же их можно восстановить, Карамелев? — Десницкий удивленно развел руками.— Их, распавшихся за сотни лет уже не на крупицы, а на атомы и разлетевшихся если не по всей Солнечной системе, то по всей Земле? Растворившихся в воде, ставших травой, пылью, камнем. Эти атомы уже вошли в составы новых соединений. Даже воспоминаний от большинства людей не осталось — так как же их можно собрать обратно и оживить? Это ведь технически никогда не будет возможно!.. Информация ведь навсегда потеряна, она безвозвратно исчезла.

- Бесследно не исчезает ничего - даже следы! Всё произошедшее – от грандиозных сражений до падающего в лужу листка - никуда не пропало, оно просто уносится в бесконечный космос… – Алеша старательно подбирал доводы, он ощущал себя как на открытом уроке, успех которого будет зависеть от того, как ему удастся собраться. – Например, можно будет увидеть прошлое Земли, также как мы видим прошлое Вселенной, глядя на звездное небо. Ведь самую близкую звезду мы наблюдаем сегодня такой, какой она была четыре года назад. А если с той звезды, смотрят в телескопы на нас, то они видят события не 2028-го, а 2024-го года. Даже взглянув с Луны, мы увидим не реальную Землю, а ту, какой она была секунду назад. А это уже и есть информация о прошлом – проблема только в несовершенстве современных приборов, что, безусловно, всего лишь дело времени. Нам даже не обязательно понадобится преодолевать скорость света, достаточно поймать возвращающийся отраженный. Но, скорее всего, конечно, полная информация об ушедших людях, их самосознании и памяти, будет получена совсем по другому, может даже придется повернуть время вспять. И это тоже вполне станет реально, если вырваться за пределы нашей Вселенной, оказаться вне её. А может эта информация о минувших веках хранится в каком-то еще не открытом поле или осталась в проникающем излучении? Да мало ли ещё как! Люди со временем доберутся до всего, непременно доберутся. Но знаете, что даже случись невероятное, и я знал бы точный ответ, как именно смогут воскресить, то я вряд ли смог бы Вам объяснить. Вы бы меня просто не поняли. И это тоже нормально. Вы знакомы с русской литературой?

— Вполне. А сказки Пушкина мне еще в детстве читал дедушка. И что?

— Прекрасно. Скажите тогда, смогли бы мы лично, вместе с вами, объяснить Пушкину, человеку начала 19-го века, как устроен телевизор или видеотелефон и на каких принципах они работают? Вряд ли, правда? Ведь для этого ему нужно было бы для начала рассказать, что такое электричество. Он-то при свечке стихи писал. А магнитное поле, а радиомеханика, электроника? Этих наук и многих других в его время просто не существовало. Это же какой гигантский пласт информации и знаний, который за разделяющие нас двести лет освоило человечество, ему пришлось бы объяснять! Для него наш мир не просто фантастика, это что-то вообще невообразимое. Экипажи с лошадьми поменялись на какие-то блестящие самоходные агрегаты, везде струится свет без всяких свечей и лучин. Дома, словно утесы повырастали в городах. Провода, гул, шум, сигналы, к которым мы привыкли и не замечаем. Его современники даже представить себе не могли, что наука так кардинально изменит мир. Мы водили бы Пушкина по улицам за руку, а с его лица после первого шока не сходила бы глупая улыбка. Он бы ничего не понимал из того, что мы ему пытались бы втолковать.

— Полный даун был бы, — согласился террорист.

— И только опытные психологи догадались бы начать его просвещение с вещей, которые ему были близки. Он хорошо помнит, что такое яблочко на тарелочке, он знает, что такое говорящее изображение в зеркальце. Ему понятно — это сказки, он сам об этом писал. И нам достаточно ему теперь сообщить, что все те сказки стали явью, и не по волшебству и щучьему велению, а просто люди научились такие зеркальца делать своими руками, профессии такие появились, все равно, что плести корзины, шить одежду, ковать подковы. Это бы он уже понял, понял бы самое главное — умельцы изловчились. Но ни он и никто другой из его современников не смог бы уяснить, каким образом. Так и я вас, как и Пушкина, возвращаю к вещам вам привычным. Вы знаете, что в компьютерных играх персонажи легко восстанавливаются и что они имеют по несколько жизней, как прежде в народных сказках разрубленные на куски герои воскрешались с помощью живой и мертвой воды? Это вам знакомо?

— Это знакомо каждому ребенку.

— Так вот всего этого человечество через некоторое время достигнет в реальности — сами научатся мертвых оживлять и собирать рассыпанных в прах. Принцип улавливаете: человек хотел видеть на расстоянии — научился, человек мечтал возвращать умерших — научится. Ведь то сказочное зеркальце, которое показывает и говорит, сбылось на 100 процентов. Можно даже видеотелефон сделать в виде такого точно зеркальца — с

ручкой и инкрустациями, это всего на всего вопрос дизайна. И если за пару столетий человек изменил до неузнаваемости весь мир вокруг себя, то за следующие два столетия он и себя изменит в мире так же существенно. А ушедшие поколения вернуть к жизни будет проще, чем сейчас собрать телевизор. Вы, хоть и ученый, но недооцениваете науку, а она сейчас в такой рост пошла, что…

- Да ну, - усмехнулся ученый, - развивается, как обычно. И я не замечал, чтоб настолько, что можно впадать в эйфорию.

- Вы не замечаете, как не замечают и другие, потому что многие процессы идут подспудно, тихо накапливая взрывной рывок. Мне в школе один коллега-математик задачку задал. Она очень показательна. Вот смотрите - известно следующее: озеро полностью зарастает ряской за 30 дней. И еще известно: количество ряски каждый день удваивается. Вопрос: на какой день озеро покроется ряской наполовину?

- На 15-ый. Чего тут думать… - ответил сразу Десницкий, а потом приложил палец к переносице. - Хотя стоп! Нет, намного позже… Наполовину оно покроется ряской в предпоследний день. То есть на 29-ый. Любопытно – сразу и не верится.

- Вы быстро решили, - сказал Алеша, у него чуть не вырвалось сказать:«Садитесь, отлично».- Да, на 29-ый. Ответ очевиден, но в то же время производит впечатление. На 28-ой озеро зарастет на четверть, на 27-ой – на одну восьмую, на 26-ой – на одну шестнадцатую. А за неделю до полного зарастания количество этой ряски будет практически незаметно на глаз, как будто ее и нет. То есть 23 дня шел бурный процесс роста, который никто не замечал, а потом – раз! – и куда делось озеро? Это пример геометрической прогрессии, то есть удвоения. А история науки показывает, что она, наука, развивается (точнее уже взмывает) по экспоненте – и это похоже на то, если бы ряска не удваивалась каждый день, а возводилась в степень. То есть, видимое зарастание водоема вместо недели произошло бы в последний час последнего дня. Мы приближаемся к тому загадочному и волнующему моменту, когда прогресс вот-вот может пойти почти по вертикали, когда вдруг все увидят, что головокружительные перемены происходят не каждый век или каждый год, а каждый день, каждый час и каждую минуту. Это может от неожиданности вызвать у людей даже панику и шок. И куда приведет этот переход, каким будет человечество, у нас нет пока ответа, но то, что в это время, совершенно походя, посбываются все мыслимые и немыслимые мечты, включая личное бессмертие и возможность воскрешения, несложно догадаться.

— Ну, хорошо, - Десницкий немного смягчился, - я не со

всем согласен, но, допустим, когда-нибудь научатся наши далекие, или пусть даже близкие, потомки восстанавливать давно умерших людей — кого они тогда восстановят? Того, кто для них интересен: Пифагора, Моцарта, Наполеона, Эйнштейна, многих других ярких и известных личностей, оставивших заметный след в истории, того же Пушкина, как вы сказали. Но зачем им нужны будут миллиарды серых, ничем не примечательных людей, которые и в своем времени ничем не выделились? Их-то зачем тащить в будущее?

— Вы знаете, мне кажется просто невероятной ситуация, при которой, имея техническую и финансовую возможность воскресить абсолютно всех, наши потомки захотят вернуть только великих. Во-первых, грядущее человечество, или пусть это станет сверхчеловечество, неизбежно будет великодушным и гуманным, это будет общество, в котором права личности ценятся важнее любых групповых интересов, будь то этнические, классовые или еще какие-нибудь, - иначе оно еще раньше уничтожит планету и себя. Во-вторых, я уже говорил о понятии «права на бессмертие». Все жившие когда-нибудь люди уже автоматически имеют это право, независимо от их роли в истории и уровня интеллекта. В-третьих, с точки зрения могущественных людей будущего уровень ума Эйнштейна будет не слишком отличаться от уровня сельского дурачка. И тот и другой будут подвержены адаптирующей коррекции и глобальному обучению при сохранении их личностных качеств — и еще неизвестно кто из них окажется нужнее будущему. Ведь иной аутичный пастушок из средневековья мог бы быть сейчас гениальным программистом. В-четвертых, раньше пожилых людей убивали или бросали, когда еда доставалась тяжело, а теперь за немощными и выжившими из ума стариками ухаживают, хотя смысла в их жизни особого нет. Что же изменилось? Цивилизация. То есть вопрос, который вы задаете, для человека из будущего будет вопросом дикаря с примитивным мышлением. И, наконец, в-пятых, допустим, начнут возвращать только великих. Вдохнули жизнь в того же Пушкина, оживили его полностью, как личность, с его чувствами, воспоминаниями и привязанностями. Как вы считаете, разве он не похлопочет, узнав, что воскрешать нетрудно, о своей жене Гончаровой, о своих детях, Дельвиге, других друзьях-лицеистах, Арине Родионовне, о своих многочисленных возлюбленных. Пару сотен современников он лично попросит вернуть. И ему вряд ли откажут. А у тех ведь свои близкие люди и друзья. Да за короткое время цепочки воскрешений не только покроют густой сетью весь девятнадцатый век, но кругами уйдут в восемнадцатый, семнадцатый, шестнадцатый, а так же — в двадцатый и двадцать

первый.

— И если сам Пушкин не замолвит словечко за своего убийцу — Дантеса, то его вытянут с другой стороны другие люди, его друзья и близкие?

— Ну конечно же! Очевидно, что так вернут всех. Не так уж и много людей жило за всю историю — не более ста миллиардов…

Одновременно с этими словами на лестничной площадке послышался шум, ругань и короткая возня. Потом в дверь коротко позвонили. Алеша замолчал, а Десницкий задумался. Алена вышла.

11. Чело и вече

Алеша смотрел на молчащего Десницкого. Ему очень хотелось успокоить этого по сути несчастного, загнанного в угол и брошенного всеми человека, заронить хотя бы какое-то сомнение в его затею и протянуть ему пусть даже самую тонкую соломинку надежды, травинку веры. Веры для атеиста. Тем более сам Алеша, в этой пограничной ситуации между жизнью и смертью, как-то очень быстро осознал, что не сказку он сейчас рассказывает. Его как будто легонько коснулось само будущее, удивительное и хрупкое. Видимо, не только на далекой плавучей лаборатории сейчас хорошо думается, а и в его панельной квартирке, ставшей последним бастионом жизни цивилизации.

Вернулась Алена.

— У дверей дежурят спецназовцы, — шепотом произнесла она. — Старший офицер объяснил, они нас охраняют, чтобы даже муха не помешала переговорам. Представляешь, они только что уложили лицом на половичок беднягу Наума Львовича…

— Ну хорошо, — произнес, наконец, Десницкий, отходя от раздумий, — скажи мне, а как быть с теми, кто не захочет жить, с теми же самоубийцами? Имеют ли право потомки воскрешать их без их согласия?

— Ну, чтобы спросить, нужно, как минимум, воскресить. Я думаю, ни одной из тех причин, которые способствовали суициду, в будущем не будет. Депрессии? Их вылечат. Смерть любимого человека? Он уже будет рядом — живой и невредимый. И будут ликвидированы все обстоятельства, загнавшие когда-то человека в угол. Можно сказать известной фразой: все покажется пустяком в сравнении с предстоящей вечностью!

— А как поступать с негодяями? Их тоже воскрешать? Всех этих убийц, насильников, тиранов и мучителей?

— Да. Ведь их жертвы будут живы и здоровы.

— Значит, согласно твоей теории, теперь можно спокойно убивать людей, совершать любые преступления, раз в будущем окажется, что все это на самом деле ерунда и все будет прощено.

— Как раз наоборот. Ведь воскрешения и бессмертие — пока только мечта, цель. И очень много препятствий на пути ее осуществления. Одно из них это — агрессия. Если люди не станут терпимее друг к другу, и не просто терпимее (это не то слово), если они не начнут воспринимать чужую непохожесть и необычность, как счастливую особенность, как огромное благо для всех, в том числе и для себя, - то рано или поздно они скопытят цивилизацию. Скоро оружие уничтожения достигнет

такого уровня, что любой человек, а не только военный или ученый, сможет по собственному желанию привести к гибели всю планету. Я не имею в виду вас, я понимаю, что вы находитесь в состоянии колоссального стресса. Это серьезная проблема, если вспомнить какое огромное количество людей, имей они сейчас подобную возможность, тут же ею воспользовались бы без всякого стресса — просто так. Я, наоборот, хотел бы высказать мысль, что фраза: после нас хоть потоп! — безнадежно устарела. Ведь, позволив человечеству самоликвидироваться, мы уничтожаем свой собственный шанс на воскрешение и вечную жизнь. И не только свой, а и всех умерших людей, которые давно истлевшими глазами с надеждой глядят на нас. Поэтому воскрешение убийц — это будет, скорее всего, акт амнистии, снисхождения, а их отрицательные качества, надеюсь, будут подправлены.

— А не скучно ли будет нам жить вечно? Что мы будем делать? Какие могут быть цели, если нет проблем?

— До сих пор считалось, что каждый человек в отдельности смертен, а в целом человечество — вечно. Но когда всем станет ясно, что каждый человек бессмертен пока живо само человечество, мы увидим насколько это бессмертие человечества относительно и хрупко. Уже видим! И угроза всеобщей гибели выходит на первое место и, наверно, висеть дамокловым мечом будет уже постоянно. Да оно так и было всегда — просто мы из-за скоротечности личной жизни этого не замечали. Это и всевозможные космические катастрофы, и опасность агрессии инопланетных сил, а теперь добавился и перманентный риск самоуничтожения по разным причинам. Так что скучно не будет — масштаб задач вырастет. И мне кажется, самое интересное только-только и начинается. Поэтому, уважаемый Эдисон, когда после вашей смерти вы вдруг окажетесь в каком-то новом мире в полном уме и здравии, то знайте, что это почти наверняка означает, что человечество, к счастью, не погибло, а развилось и изменилось - и научилось воскрешать своих предков. Смерть, по сути, это — телепортация в будущее. А ваш скептицизм в будущем тоже пригодится. Там и продолжим дискуссию. Если вы, конечно, не грохнете планету.

Десницкий вдруг вскинул глаза:

— Слушай, Карамелев, а меня не обвели вокруг пальца — у тебя, действительно, тот самый номер, который я называл?

— Эдисон, а неужели это так важно? Но, в любом случае, не стоит беспокоиться — номер тот. Я сейчас покажу…

Алеша сделал движение, чтобы подняться, но Десницкий его остановил:

— Не надо, я тебе верю… Разве эти кретины додумались бы

говорить о таком… Писофчоки!..

Наступила тишина. Но ненадолго.

— Карамелев, а ты все равно — жучара! Тебе сейчас классно рассуждать — ты ведь такой пиар, благодаря мне, только что получил. Если я человечество оставлю в живых, ты наверняка станешь Героем Мира.

— Эдисон, я историк, я много думал насчет пиара. И скажу вам так — я считаю поклонение пиару очень большой ошибкой людей. Это — ловушка. Пиар хорош только лично для распиаренного. Ему — и деньги, и успех. А для всего человечества это проблема. Это только для художников, скульпторов и некоторых других творческих профессий личный пиар не приносит вреда цивилизации. А для остальных… Ну посудите сами: под скальпель какого хирурга лучше лечь — распиаренного или хорошего? К какому учителю предпочтительнее отдать ребенка: ловкому саморекламщику или умеющему учить? Какой ученый заслуживает бюджетные гранты — тот, у кого харизма не сходит с лица, или тот, кто двух слов может не связать, но знает, как все-таки найти лекарство от очередной пандемии. Человечеству пора начать прислушиваться не только к крикунам, а и к глухонемым. Мнение застенчивого интроверта вполне может перевесить по значимости десяток дискуссий самодовольных болтунов в прайм-тайме. Людям, я думаю, уже мало хлеба и зрелищ. И вопросы типа «Куда идем?» и «В чем смысл жизни?» — из теоретических на наших глазах превращаются в насущные. Вот этим, Эдисон, я и буду заниматься, если вы сохраните нам жизни. Мне не нужен пиар. Я хочу, чтобы человечество дорожило мнением каждого человека. Иначе оно все-таки погибнет. В русском языке слово «человечество» можно разбить как «чело» и «вече», то есть собрание умов. То есть то, во что уже превращается интернет. Вот что мне надо, Эдисон. И за вас лично, за ваше будущее воскрешение потомками я буду хлопотать в такой же мере, как и за бессмертие своей маленькой семьи. Клянусь! Мне тоже есть, чем клясться.

12. …

— Ладно, Карамелев, хватит патетики… Это всё слова. — Десницкий посмотрел на хронометр и задумался. — Нет никаких гарантий, что эта теория верна. Нет, к сожалению…

— Но ведь это же всё-таки шанс! — Алеша повысил голос, вкладывая в интонацию всю силу своей убежденности. Убежденности, появившейся всего несколько минут назад. Убежденности, усиленной ощущением досады и сожаления, что он не думал об этом раньше — тогда наверняка подобрал бы более точные слова. — И этот шанс, Эдисон, сейчас в твоих руках! Даже нет — в твоих пальцах. Соедини их, оставь заблокированными накрепко двери. Пойми же — не только жизнь проходит, проходит и смерть. Причем смерть всегда короче жизни — смерть вообще промелькнет незаметно. Как крепкий сон. Сколько бы десятилетий или столетий не прошли до твоего воскрешения, они тебе покажутся мигом! То же произойдет и с твоими родителями, и с женой. Ты всех их еще увидишь. Даже нерожденную свою девочку. Она еще вырастет. Она еще обнимет тебя. На это есть надежда. Но для этого тебе надо сделать самую малость — уйти, соединив пальцы…

— Всё, Карамелев, заканчиваем. Всё. Ты был любопытным собеседником. Но, честно говоря, доводов мне мало… Что ж, у меня осталось чуть больше десяти минут. Я ничего не обещаю. Я хочу побыть один. Я хочу подумать, над тем, что услышал. Сам. Мне, и только мне решать, в конце концов, как умереть — соединив большой палец с мизинцем или, наоборот, растопырив широко пятерню… Всё, я отключаюсь…

Десницкий выглядел ужасно — по его лицу из обоих глаз, уже не переставая, текли иссиня-черные ручьи. И никто не мог сказать наверняка, есть ли в них хоть несколько капель слез. Его изображение медленно исчезло. Планета застыла в ожидании. Миллиарды людей замерли у опустевших экранов. Карамелев перебрался со стула на пол к сидевшим у его ног жене и дочери и обнял их…

Он не видел, что за его спиной вдруг пошли настенные часы.